

СМИ

АКАДЕМИЯ

СОВРЕМЕННЫХ

ИНФОКОММУНИКАЦИОННЫХ

ТЕХНОЛОГИЙ

СМИ Вопросы морали и этики в средствах массовой информации

СМИ.18 Высоцкий: в канун именин

СМИ.18

(количество частей – 1, число страниц - 11)

В канун его именин, до которых он не дожил буквально пару дней, если, конечно, был крещен - и именно с именем Владимир, что в случае вероятного крещения в Армянской Церкви далеко не столь очевидно, прислушаемся к его стихам.

Это о них, о стихах, он напишет с горечью:

И мне давали добрые советы,
Чуть свысока похлопав по плечу,
Мои друзья - известные поэты:
Не стоит рифмовать "кричу - торчу".

И лопнула во мне терпенья жила -
И я со смертью перешел на ты,
Она давно возле меня кружила,
Побаивалась только хрипоты.

Я от суда скрываться не намерен:
Коль призовут - отвечу на вопрос.
Я до секунд всю жизнь свою измерил
И худо-бедно, но тащил свой воз.

Но знаю я, что лживо, а что свято,-
Я это понял все-таки давно.
Мой путь один, всего один, ребята,-
Мне выбора, по счастью, не дано.

Это стихотворение "Мой черный человек" датировано 1979 годом. И о каком суде идет здесь речь, о каком пути и о каком выборе, как кажется, пояснять не надо. Высоцкий, по точному замечанию Дмитрия Быкова, сжигал себя дотла, но по другому не мог и не умел, да и не хотел.

При этом его внутренний путь пролегал через Шекспира и Пастернака, включая "Гамлета", написанного одним и переведенного другим, через Брехта и Маяковского, каждый из которых сумел претворить, соответственно, театр и

поэзию в жизнь, - в общем, через те материки и архипелаги, на которых остались следы и Неведомого Бога, и невиданных зверей.

И на этом пути, скорее, ближе к его концу, Высоцкий поднялся над эпохой и, словно шторы, раздвинул те горизонты, что многим из нас застили Небо:

В синем небе, колокольнями проколотом, -
медный колокол, медный колокол -
то ль возрадовался, то ли осерчал...

Купола в России кроют чистым золотом -
чтобы чаще Господь замечал.

Купола, 1975.

Но и враг рода человеческого, увы, тоже делал свое черное дело. Отсюда молитва, растворенная последней надеждой на то, что как-нибудь удастся совладать с судьбой, обернувшейся роком, схватившей за кадык и уволокивающей в никуда. Вот эта молитва, положенная на стихи менее чем за два месяца до исхода:

Две просьбы

*М.Шемякину - другу и брату
посвящен сей полуэкспромт.*

Мне снятся крысы, хоботы и черти. Я
Гоню их прочь, стеная и браня.
Но вместо них я вижу виночерпия,
Он шепчет: "Выход есть, - к исходу дня -
Вина! И прекратится толкотня,
Виденья схлынут, сердце и предсердие
Отпустит и расплавится броня!"
Я - снова Я, и Вы теперь мне верьте, я
Немногого прошу взамен бессмертия, -
Широкий тракт, холст, друга да коня
Прошу покорно, голову склоня,
Побойтесь Бога, если не меня, -
Не плачьте вслед, во имя Милосердия!

Чту Фауста ли, Дориана Грея ли,
Но чтобы душу - дьяволу - ни-ни!
Зачем цыганки мне гадать затеяли?
День смерти уточнили мне они...
Ты эту дату, Боже, сохрани, -
Не отмечай в своем календаре, или
В последний миг возьми да измени,
Чтоб я не ждал, чтоб вороны не реяли
И чтобы агнцы жалобно не блеяли.
Чтоб люди не хихикали в тени.
От них от всех, о Боже, сохрани
Скорее, ибо душу мне они
Сомненьями и страхами засеяли.

Париж,

1 июня 1980.

Полуэкспромт? - да, но просьба остается просьбой, и адресована она Богу, а Бог слышит каждое движение человеческой души, и душа слышит стук в её двери, особенно душа чуткая и настроенная слышать, а в этом умении Высоцкому не отказать.

Он знал, что погибает, что морфий несовместен не только с жизнью, что не самое страшное, но и с честью, и с совестью. В эти последние месяцы ему приходилось лгать и изворачиваться, от чего он, по воспоминаниям друзей, невероятно страдал, рвал с этой зависимостью и опять возвращался к ней.

Но вот вопрос - равен ли человек своим страстям, сводим ли он к своим ошибкам, только ли в них заключается его жизнь? Если посмотреть, сколько написано, спето, сыграно и выстрадано Высоцким за его недолгий век, станет понятнее такое его завещание нам:

Я до рвоты, ребята, за вас хлопочу.
Может, кто-то когда-то поставит свечу
Мне за голый мой нерв, на котором кричу,
За веселый манер, на котором шучу.

И далее - исповедуясь нам, своим слушателям, он поясняет:

Даже если сулят золотую парчу
Или порчу грозят напустить - не хочу!
На ослабленном нерве я не зазвучу,
Я уж свой подтяну, подновлю, подвинчу!
Лучше я загуляю, запью, заторчу!
Все, что за ночь кропаю,- в чаду растопчу!
Лучше голову песне своей откручу,
Но не буду скользить, словно пыль по лучу.
Если все-таки чашу испить мне судьба,
Если музыка с песней не слишком груба,
Если вдруг докажу, даже с пеной у рта,-
Я уйду и скажу, что не все суета!

А что, собственно, не суета? То, с чего начинается эта песня, - исповедальное исповедание веры в правоту, в правду Христа, над которым глумятся разномастые лабазники:

Мне судьба - до последней черты, до креста
Спорить до хрипоты, а за ней - немота,
Убеждать и доказывать с пеной у рта,
Что не то это все, не тот и не та...
Что лабазники врут про ошибки Христа...

Это поздний Высоцкий, стихотворение написано и спето в 1978 году. Но откуда здесь лабазники?

Ответ на этот вопрос мы находим в одном из его ранних стихотворений:

Ваш кандидат, а в прошлом он лабазник,
вам иногда устраивает праздник.

Таких многообещающе врущих кандидатов-лабазников и в наши дни хоть пруд пруди. Именно им в ответ, в защиту Христа распятого, которого жаль, ибо Он добровольно идет на Крест, а не просто является жертвой насилия и бессилья, именно в ответ всем расхристанным хулителям и гонителям хрущевско-брежневской да и нашей поры свидетельствует Высоцкий о том, что не всё суета.

Напомню, что еще задолго до предсмертия Владимир Высоцкий написал и спел:

Надеемся только на крепость рук,
на руки друга да вбитый крюк
и молимся, чтобы страховка не подвела.

Понятно, что здесь поэт говорит о молитве не в том высшем смысле, который вкладывает в нее апостол Павел, заповедавший нам непрестанно молиться, пребывая в общении со Христом. Но понятно и то, что альпинистская молитва о страховке - это все равно молитва, исполненная надежды на Бога, Который не оставит человека в беде. Это горное упование предваряет горнее богопредстояние, ведет к нему и включено в него как исходное основание и точка опоры. Но то, что проскальзывает в стихах и песнях, - это лишь отголосок тех мыслей о себе и о вечности, того общения с Богом или разобщения с Ним, которое совершается в сердце каждого человека, но бывает запечатлено в поэтическом слове. Так что я бы не спешил с категорическими суждениями о том, насколько далек был Высоцкий от Творца и Спасителя, хотя бы потому, что это вне сферы нашей компетенции, ибо ведомо лишь нашему Судии.

А заметили ли вы, как грамотно он нарушает правила русского языка в пользу Троического богословия?

И я попрошу Бога, Духа и Сына,
чтоб выполнил волю мою:
пусть вечно мой друг защищает мне спину,
как в этом последнем бою.

По правилам русского языка должно было быть "*выполнили*" - но Бог един в Трех Лицах, и Высоцкий ставит глагол в единственном числе. Возможно, это чувство языка, возможно, эрудиция, но я думаю, прежде всего - ответственность за слово, за его значение и все связанные с ним коннотации.

На этот пример в свое время обратила мое внимание Марина Андреевна Журинская, и она же дала такое определение поэтике Высоцкого: семантическая компрессия. Предельное насыщение целыми смысловыми пластами и измерениями каждой строки, каждого словосочетания приводит к тому, что за каждым словом стоит целая история, а, может быть, и несколько взаимодополняющих событийных рядов.

Но вот как нож мне в спину -
забрали Катерину -
и следовательно стал меня главней.

Это из ранних песен. А вот из вышеприведенной "Песни летчика":

Им даже не надо крестов на могилы,
сойдут и на крыльях кресты.

Но вот что еще крайне важно не упустить из виду, так это ту оценку, которую дал творчеству Высоцкого Иосиф Бродский, отметивший, что перед нами именно поэзия, с очень сложными и совершенными рифмами, что пропевание этих текстов под гитару часто не позволяет нам заметить поэтического мастерства, каковое тем не менее и делает песни Высоцкого столь популярными среди, казалось бы, самых простых людей. Потому что любой человек откликается на красоту, в том числе, отображенную в слове.

Высоцкому было не легко приближаться к пределам смерти, боюсь, что и нам это будет совсем нелегко. Потому, что вслед за нами к этим пределам потащатся все наши нераскаянные страсти, все нами содеянные грехи, и будут нас обличать там так же, как здесь они обличали нашу совесть. И только милостью Божией наша вечность не будет окрашена в совсем уж мрачные тона.

Высоцкий об этой совестной рефлексии над прожитой жизнью со всеми падениями и соблазнами, со всеми взлетами и схватками, в которых ему удавалось одерживать победу над серой скукой советской идеологии, пел так:

Общаюсь с тишиной я,
Боюсь глаза поднять,
Про самое смешное
Стараюсь вспоминать.

Врачи чуть-чуть поахали:
"Как? Залпом? Восемьсот?.."
От смеха ли, от страха ли -
Всего меня трясет.

Теперь я - капля в море,
Я - кадр в немом кино.
И двери на запоре -
А все-таки смешно.

Воспоминанья кружатся
Как комариный рой,
А мне смешно до ужаса:
Мой ужас - геморрой.

Виденья все теснее -
Страшат величиной:
То с нею я - то с нею, -
Смешно, иначе - ной!

Это - о тех видениях и образах, что обступают душу на пороге вечности и кружат над ней ежечасно, и о том внутреннем растождествлении себя и своих ошибок, себя и своих промахов, без которого невозможно покаяние. Но вот далее - о том, ради чего он положил свою душу, на что растратил жизнь:

Не сплю - здоровье бычье,
Витаю там и тут,
Смеюсь до неприличия
И жду - сейчас войдут...

Халат закончил опись
И взвился - бел, крылат.
"Да что же вы смеетесь?" -
Спросил меня халат.

Но ухмыляюсь грязно я
И - с маху на кровать.
Природа смеха - разная, -
Мою вам не понять.

Жизнь - алфавит: я где-то
Уже в "це-че-ше-ще", -
Уйду я в это лето
В малиновом плаще.

Но придержусь рукою я
В конце за букву "я" -
Еще побеспокою я! -
Сжимаю руку я.

Со мной смеются складки
В малиновом плаще.
С покойных взятки гладки, -
Смеялся я - вообще.

Смешно мне в голом виде лить
На голого ушат, -
А если вы обиделись -
То я не виноват.

Палата - не помеха,
Похмелье - ерунда, -
И было мне до смеха -
Везде, на все, всегда!

Часы тихонько тикали -
Сюсюкали: сю-сю...
Вы - втихаря хихикали,
А я - давно вовсю!

1980

Что-то мне подсказывает, что та свобода невтихаря смеяться над тем, что достойно лишь осмеяния, более чем нужна нам и сейчас. А поэтому и после смерти, и отнюдь не фальшивым фальцетом, но во всю мощь своего отчаяньем сорванного голоса, Владимир Высоцкий пробуждает в нас - нас самих.

И после смерти он понуждает нас расправить плечи, намотать на роги и растрясти по кочкам всех тех, кто возомнил себя медведем или волком в заповеднике.

И после смерти он просит нас пойти дальше - навстречу тому свежему ветру, который избранных пьянил, с ног сбивал, из мертвых воскрешал, потому что, если не любил, значит и не жил, и не дышал.

Тема любви - и тема войны, без которых Высоцкий - не Высоцкий, требуют отдельной статьи, отмечу здесь лишь то, что в одном из последних стихотворений поэт обращается одновременно и к Марине Влади, и к Творцу мироздания:

И снизу лед, и сверху. Маюсь между.
Пробить ли верх иль пробуравить низ?
Конечно, всплыть и не терять надежду,
А там - за дело, в ожиданьи виз.

Лед надо мною, надломись и тресни!
Я весь в поту, как пахарь от сохи.
Вернусь к тебе, как корабли из песни,
Все помня, даже старые стихи.

Мне меньше полувека - сорок с лишним,
Я жив, двенадцать лет тобой и Господом храним.
Мне есть что спеть, представ перед Всевышним,
Мне есть чем оправдаться перед ним.

Автор: Иеромонах Димитрий (Першин)

Материал взят с сайта «Православие и мир»